

НАТАЛЬЯ ПАВЛИЩЕВА

СОФИЯ ПАЛЕОЛОГ

ПЕРВЫЙ КИНОРОМАН
О ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЦАРИЦЕ

Наталья Павловна Павлищева
София Палеолог.
Первый кинороман о
первой русской царице
Серия «Супер-премьеры кино и ТВ»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22449514

*София Палеолог. Первый кинороман о первой русской царице / Наталья Павлищева: Эксмо : Яуза; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-92231-4*

Аннотация

К премьере телесериала «София Палеолог» на Российском ТВ. Первый роман об одной из самых удивительных женщин на русском троне, благодаря которой было свергнуто татаро-монгольское Иго, а Москва стала Третьим Римом.

1472 год. Юная византийская принцесса София Палеолог едет на Русь, чтобы выйти замуж за первого русского самодержца Ивана III. После европейского бездорожья, грязи и невежества «дикая Московия» поражает царевну великолепными трактами, чистотой улиц и массовой грамотностью населения – даже многие женщины здесь умеют читать! А еще «русские варвары» обожают баню, в отличие от немытой вшивой Европы!

В Риме Софию ославили как дурнушку – она не брила лоб и брови, не выщипывала ресницы, не пила уксус, чтобы походить на бледных и рахитичных западных «прелестниц». Но на Руси совсем другой канон прекрасного – и здесь статная, пышногрудая, «кровь с молоком», византийская царица впервые чувствует себя красавицей.

В Европе ее считали бесприданницей – но она везет на Русь бесценные сокровища: великое наследие Царьграда, священную кровь ромейских императоров и знамя с Двуглавым Орлом, которому суждено стать гербом Московского Царства, нареченного Третьим Римом!

Содержание

Иван да София. Суть вопроса	6
Послы загадочной Москвы	16
В Москву!	63
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Наталья Павлищева
София Палеолог.
Первый кинороман о
первой русской царице

© Павлищева Н.П., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Иван да София. Суть вопроса

София (Зоя) Фоминична Палеолог – супруга великого князя Московского Ивана III Васильевича – россиянам больше памятна как бабушка Ивана IV Васильевича. Считается, что это она, племянница последнего византийского императора Константина XI, погибшего при взятии турками Константинополя, привезла на Русь двуглавого орла.

София Палеолог сыграла заметную роль в истории Руси-России не только как бабушка печально известного Ивана IV Грозного, но и как жена-соратница Ивана III.

К сожалению, Ивана III Васильевича упоминают куда реже его внука, а ведь он и по деяниям своим, и по характеру, и по роли, которую сыграл в нашей истории, достоин куда большей чести. Это его современники называли Великим и Грозным (его внуку-тезке такой «титул» много позже присвоили потомки). А еще Правдолюбом. Неплохое прозвище для правителя, не правда ли?

Судьба Ивана III требует отдельного обстоятельного разговора, уж слишком она удивительна. Рассказ об этом замечательном человеке и правителе непременно будет, но вкратце упомянуть о его заслугах и жизни стоит и сейчас, чтобы понять, с кем же связала доля Софию Фоминичну, сделав женой Ивана Великого.

Его отца московского князя Василия II соперник в борьбе за Московский престол Дмитрий Шемяка после долгого противостояния сумел пленить и ослепить (честно говоря, перед этим сам Василий натворил тоже немало). Казалось, жизнь несчастного князя Василия, получившего прозвище Темный, окончена, но он смог выстоять, нашел себе покровителя в лице тверского князя Бориса и отменного помощника – своего сынишку Ивана.

Прозвище Темный часто привязывают к слепоте князя, мол, потому и «Темный», что света не видел. Но не только потому. Слепец-правитель – это нонсенс, но помимо слепоты была у Василия еще одна особенность. Конечно, он не желал терять зрение, сопротивлялся своим палачам и в результате оказался не только ослеплен, но и страшно изуродован. Самому князю все равно, а у окружающих увечье вызывало оторопь, пришлось надеть широкую черную повязку, скрывающую верхнюю часть лица. Едва ли это добавляло симпатий и доверия, но нашлись многие, кто решил воспользоваться увечностью своего правителя, и смогли бы это сделать, не будь у него маленького, но очень разумного сына Ивана.

Ваня помогал отцу передвигаться, стал его глазами, с восьми лет был при князе неотлучно, разве что уезжал во главе войска (!) на время походов. Присутствовал на всех советах, стоя за стулом отца, слушал и объяснял, кто говорит, куда при этом смотрит, как себя ведет (и поневоле прошел

блестящую школу физиогномики и понимания людей). Читал присланные письма и грамоты, писал под диктовку, а с двенадцати лет и сам составлял послания правителям-соседям и в дальние страны, то есть отвечал за дипломатическую переписку (!).

Тверской князь за свою помощь в тяжелые времена (он приютил князя Василия Темного и через год помог вернуть Московский престол – Шемяку в Новгороде отравили) пожелал породниться, так шестилетний Иван оказался обручен с четырехлетней Марией Тверской. Венчались позже, когда мудрому не по годам отроку исполнилось двенадцать. В семнадцать он стал отцом Ивана Молодого.

Умирая, князь Василий за Московское княжество не беспокоился, оно оставалось в надежных руках двадцатидвухлетнего Ивана, давным-давно правившего этим княжеством от имени отца. Правил юный сын куда лучше своего отца-неудачника, запомнившегося современникам помимо слепоты постоянной необходимостью собирать средства на выкупы князя из очередного плена (тогда пленников предпочитали не в лагеря отправлять, а освобождать за золото). В истории России трудно найти другого такого неудачника, как Василий II, если он чему-то и мог научить своего сына, то только тому, как НЕ НАДО править. Иван III и научился. Принцип «от противного» тоже бывает полезным, увидев, «как не надо», он сам смог додумать «как надо». Конечно, не без ошибок и жестокости, но провалов у правителя им же

созданного государства почти не было, а успехи такие, что заставили уважать новую державу.

Когда Ивану Васильевичу было двадцать семь, враги расправились с его Марией Борисовной, отравив великую княгиню во время отсутствия Ивана в Москве. Он оплакивал жену до конца жизни.

На пятом году вдовства состоялся второй брак – с Софией Палеолог, которая после падения Константинополя и смерти родителей жила при папском дворе в Риме.

Что заставило папу римского (вернее, двоих – задумал все папа Павел II, а осуществил после его смерти папа Сикст IV) предложить в жены далекому московскому князю византийскую царевну Софию (ее брат Андреас вообще считался наследником несуществующего византийского престола и своим правом на престол всюду торговал, проматывая полученные деньги)? Именно предложить, это не великий князь Иван Софию сватал, напротив, ее кандидатуру преподнесли из Рима на блюдечке с голубой каемочкой, а жених еще и раздумывал.

Дело в том, что Европа, привыкшая считать Русь не просто раздробленной и даже растащенной на куски, но и подчиненной Орде, вдруг обнаружила, что она, прежде всего в лице Московии, восстала из пепла и может дать фору если не по развитию, то по силе и богатству многим государствам самой Европы.

Орда уже не была единой, она распалась на пять разных

образований, зато окрепло Крымское ханство, было очень сильно Великое княжество Литовское, Нагайская Орда, Казанское ханство, да и сама Большая Орда оставалась грозной. Московию со всех сторон окружали либо чужие желающие оторвать свой кусок, либо свои, страдавшие тем же (когда бывало иначе?).

Чтобы понять, что получил в наследство Иван Васильевич, достаточно вспомнить, что Тверское княжество было самостоятельным, как и Рязанское, как и Новгородская и Псковская боярские республики, граница с Великим княжеством Литовским проходила где-то между Вязьмой и Можайском (!), а от того самого места на реке Угре, где было последнее противостояние войск Руси и Орды, от МКАД по Киевскому шоссе километров полтора.

И дань Орде не плачена больше десяти лет, и литовский князь Казимир наседали, грозя до самой Москвы дойти, а Новгород и вовсе нацелился на унию, решив отказаться от православия, и собственные братья-князья норовили с врагами за спиной молодого великого князя Ивана договориться...

Что сделал Иван Васильевич в такой ситуации? Порвал ордынскую грамоту с требованием выплаты дани и бросил ее себе под ноги!

Но сумел избежать войны на два фронта – когда хан Ахмат пришел наказывать непокорную Москву за невиданную наглость неподчинения, то обещанной поддержки от литов-

ского князя Казимира не дождался. Иван Васильевич договорился с Крымским ханством, и литовцам оказалось не до Ахмата, они отражали набег дружественных Москве (тогда) крымчаков.

Иван Васильевич в походы во главе войска не ходил – не княжье то дело, а воеводское, на то они и воеводы. Ордынцев на Угре встретила закованная в броню регулярная армия (в отличие от всех предыдущих, собранных с мира по воину). Полки других княжеств были скорее подспорьем основным силам Москвы. Хан Ахмат решил не связываться и с Угры ушел.

И так во всем – кнут и пряник, война и переговоры одновременно.

Литье пушек на Москве, строительство из камня, разведка полезных ископаемых, освоение и подчинение новых земель (это по его приказу за сто лет до Ермака в Сибирь, на Обь, Иртыш и Тобол, отправились воеводы Салтык и Курбский Черный для защиты земель от Тюменского ханства), подчинение строптивого Новгорода и еще много чего...

Именно Иван Васильевич назвал себя государем Всея Руси (а не одной Московии).

Следующему государю, сыну Софии Василию, он оставил территорию, в несколько раз превышающую ту, что получил сам. И армию крепкую, и промышленность довольно развитую, и очередь иностранных мастеров, желавших послужить Москве своим умением.

И не его вина, что потомки не всегда с толком распорядились наследством, а через сотню лет после его смерти (князь умер в 1505 году) и вовсе допустили поляков в Кремль.

Об Иване Васильевиче говорили, что он высок ростом, а взгляд такой, что мало кто выдерживал, женщины так и во все в обморок падали.

Тверд и даже жесток, когда нужно, не терпел непослушания, требовал исполнения приказов в точности и вовремя, людей ценил не за знатность, а за их ум и желание послужить Руси. Был тверд в вере, но при этом очень любознателен, с догмами не всегда считался. Например, главный православный собор Москвы Успенский пригласил строить латинянина Фиораванти (правда, после того, как попытка сделать это силами своих строителей увенчалась обрушением целой стены почти возведенного собора).

Кстати, заодно Аристотель Фиораванти и пушки лил, и мосты строил, и еще много чем занимался, Возрождение же, не один Леонардо да Винчи многопрофильным был. Вот к кому приехать бы мастеру Леонардо, вот кто сумел бы оценить его многочисленные таланты и применить их на деле! Но не суждено, мыкался Леонардо да Винчи по городам-государствам Италии, создавая портреты влиятельных заказчиц, а его технические задумки и изобретения остались пылиться на полках. Пожалуй, это единственное упущение Ивана Великого, но, возможно, он и не знал о гениальном

итальянце.

Иван III поставил Ивангород на реке Нарве ради выхода в Балтийское море (ничего не напоминает? Петр I свое окно в Европу на берегу пустынных волн Финского залива рубил рядом с давно открытой туда дверью). Иван III правильно оценил выгоду и силу Крымского ханства, завязав с ним дружбу. Иван III озаботился возвращением в лоно Руси исконно русских земель с православным населением, которые входили в состав Великого княжества Литовского (и успешно ведь!). Это он одновременно сдерживал воинственное Казанское ханство и звал татарских князей к себе на службу (и тоже успешно). Это он начал активно использовать иностранных мастеров в чисто практических целях в Московии (в отличие от Екатерины Великой, допустившей иноземцев в науку).

Перечислять его новшества можно долго. Иван Васильевич на многие столетия вперед определил направления внешней политики созданного им государства. Да и внутренней тоже.

Блестящий политик, умевший все точно рассчитать и использовать любую, даже самую тяжелую, ситуацию.

Это Иван III создал то, что потом назовут Россией, превратив небольшое Московское княжество в огромное по территории и сильное государство.

Тогда в Европе родилась боязнь вдруг восставшей из пепла сильной и почти единой (не без ренегатов, конечно) Руси

во главе с Москвой. Родилась и по сей день существует.

Почему же неблагодарная Россия не имеет даже небольшого памятника своему основателю (государства, которое Петр I только назвал Россией, а создал его Иван), больше того, просто не вспоминает об основателе?

Его внук и полный тезка Иван IV Васильевич Грозный НЕ совпал с Россией, Петр I НЕ совпал, они ломали государство и народ через колено, ввергали его в хаос и тем запомнились. Екатерина Великая запомнилась только тем, в чем НЕ совпала, о многих ее деяниях, пришедшихся по сердцу русскому духу (или продолжавших линию Ивана III), мы легко забыли.

А вот Иван III СОВПАЛ. Совпал потому, что сам создал.

В результате мы воспринимаем свершенное им как исконно русское.

Кто из нас, глядя на Грановитую палату и красные стены Кремля, задумывается, что не из глубины русских столетий пришли вот эти массивные арочные своды и «ласточкины хвосты» по верху кремлевских стен, что и форма башен, и многое-многое другое, что вот этот «исконнорусский» стиль, по сути, создан при Иване III?

Об Иване III Васильевиче, которого современники называли Великим, Грозным и Правдолюбцем, можно (и нужно) рассказывать долго, но это отдельный разговор, а пока нас интересует его вторая супруга София Палеолог, сыгравшая свою (как положительную, так и черную) роль в его судьбе и

судьбе будущей России.

Вот за такого загадочного правителя загадочного государства вышла в 1472 году (Ивану Васильевичу было 32 года) София Фоминична Палеолог, превратившись из византийской царевны в государыню Всея Руси.

Послы загадочной Москвы

Проделав долгий и трудный путь, русское посольство от Великого князя Московского Ивана Васильевича прибывало в Рим. Пока не к папскому двору, поселили москвитов на большой вилле у городских ворот. Нужно же с дороги отдохнуть и вымыться, переодеться, не в гости к соседу забежали по-свойски, Московию представляли и остальную Русь тоже.

Посольство немалое, хотя самих послов всего трое: бояре Ларион Беззубцев и Тимофей Шубин и дьяк Василий Мамырев. Ну и Иван Фрязин по прозвищу Денежник, куда ж без этого ловкого итальянца, что у московского государя чеканкой монеты занимается, а вернее, больше собственным обогащением.

А еще слуг множество и охрана крепкая. Не только чтобы солидной выглядеть, но и действительно ради охраны – посольство много богатейших даров папе и его окружению везло. Повод был знатный...

Никиша, что помогал дьяку Мамыреву еще в Москве, всю дорогу одолевал Василия Саввича расспросами, но тот не отмахивался, отвечал. Парень разумный и любознательный, из него толк в посольском деле может быть большой. Чужой язык легко схватывал, это тоже важно. Пусть спрашивает, язык без костей, чай, не устанет отвечать.

Никиша дивился и негодовал:

– К чему государь дорогу латинянам на Русь торит? Чтоб они свои обычаи принесли да своих попов прислали? Недолго же тогда нашей вере быть...

Василий Саввич резко оборвал сомневающегося:

– Плохо ты о нашей вере мыслишь, я погляжу, ежели боишься, что ее вот так просто можно чужими обычаями свалить. Нет, стояла православная Русь и стоять будет. А дорога, она как и палка – о двух концах. И двигаться по ней в обе стороны можно. Государь правильно рассудил, мы столько лет из-за ордынцев от мира отрезанными сидели, словно волки в огороженном лесу. Негоже так жить, надо с братьями христианами и торговать поболее, и ума-разума у них набираться.

Никишу обидело намерение дьяка ума-разума у латинян набираться, даже губы надул:

– Чего это, нешто своего мало? Мы им еще какого ума выказать можем, а не у них набираться.

Дьяк усмехнулся в бородку:

– Мы им, а они нам, вот и прибудет у обоих ума-то. Верно сказал государь Иван Васильевич: Русь столько лет под Ордой словно и не жила, все от лета до лета, от одного набега до другого, все накоротке, все ненадолго. Лучшее туда забирали, столько людей погибло. А латиняне тем временем опыта набирались.

– Словно бы у них войн да междоусобиц не было, – снова ревниво возразил Никиша. Уж очень ему не хотелось при-

знавать превосходство латинян хоть в чем-то.

И снова дьяк разъяснил как дитю малому:

– И у них все бывало, да только не сжигали города дотла, не заставляли по лесам годами хорониться, не вырезали под корень. Можно город разграбить, но стены каменные останутся, люд, который выживет, снова за дело примется. А у нас ордынцы мастеровых либо в рабство забирали, либо убивали, если не подчинялись. Но не о том речь, кто более пострадал. Ты про государя спросил, про то, к чему дорогу латинянам на Русь торит. Я тебе ответил, что по той дороге и наши купцы меха к ним повезут, и к нам мастеровые, кто умеет то, чего мы не умеем, поедут.

– Чего это они к нам поедут, если у них своего много? И к холодам небось непривычные.

– Знаешь, что заставляет людей пускаться в дальнюю дорогу или неудобства переносить?

– Государев приказ.

– Ай молодец! Но это нас с тобой как государевых людей. А тех, кто сам по себе?

Никиша чуть подумал и переспросил:

– Чего?

– Деньги. Золото – оно самая лучшая приманка. Поманит наш государь золотишком, и побегут разные мастеровые латинские к нам.

– Нужны они нам! Сами справимся.

– Ох и дурень ты, как я погляжу.

Но Никиша упорно гнул свое:

– Сами все придумаем и сделаем, не надо нам латинян этих. Нешто не сообразим без их разумения?

– Сообразим и придумаем, только к чему придумывать то, что другие уже знают? Не лучше ли научиться и на том разумении дальше пойти, чтобы остальных обогнать? А заплатить им всего-то золотом.

Теперь Никиша смотрел на наставника во все глаза:

– Василий Саввич, это сам придумал?

Дьяк с изумлением уточнил:

– Что придумал?

– Ну, как у этих латинян их разумение перехватить и дальше пойти?

– Да кто ж иначе делает? Ежели бы каждый все сам от начала придумывал, мы б до сих пор в землянках жили да в шкурах ходили. Если какое-то знание можно купить, его нужно купить, а уж дальше самим. А вот свое новое продавать не стоит, разве когда оно уж не внове будет.

– Ну ты и голова... Недаром тебя государь при всяком деле держит.

– Ладно уж тебе. Только не болтай там лишнего и вопросов своих дурацких тамошним и Фрязину не задавай. Ежели чего не понял, то меня спроси.

– Понял, Василий Саввич, лучше у тебя спрошу. Только ты уж не серчай на меня за дурь мою, я не все постиг пока.

Дьяк Мамырев рассмеялся:

– Да всего никто на Земле не постиг, а что постичь желаешь, то хорошо. И еще одно сказать хочу: в чужие земли придем, много там чудного и непривычного увидишь. Помни, что в чужой дом со своими правилами не лезут и что не все дивное на первый взгляд дивным со второго показаться может. Пальцем не тычь на чужие порядки и рта не разевай, словно бы ворон считаешь.

Долго еще наставлял дьяк Мамырев своего помощника, прекрасно понимая, что парень все забудет, и рот разинет, и мысли вслух выскажет. Не все умеют вида не подавать, что удивлены или неприятно поражены.

И вот перед ними Рим – великий, древний город, столица христиан-латинян. И прием у папы римского.

Но великий князь Иван Васильевич знал, кого выбирать послами, это Иван Фрязин балаболка и даже пустобрех, остальные себе на уме и цену и свою, и Москве знали. Все трое держаться с достоинством умели и не стали дрожать коленками пред папским престолом. Не слишком волновались московские послы, направляясь в сопровождении богато одетых слуг и охраны в Ватикан.

При папском дворе их приезда ждали, но папа Сикст все еще был занят праздниками по поводу своего восшествия на престол Святого Петра.

Эти русские медведи всегда привозили богатые дары, особенно меха и самоцветы, но послы бывали редко, потому

лучшим подарком для себя и престола папа Сикст посчитал бы присоединение Московии к Флорентийской унии. Тогда и меха в его сокровищницу, и золото на новый крестовый поход потекли бы рекой.

Потому московитов принимали двояко – полупрезрительно, но с надеждой.

Лаура ныла, держась за щеку, третью ночь – страдала зубами. Зою это страшно раздражало, советовала рот солью полоскать или вовсе зуб вырвать. Но девушка отказывалась от всего, полоскание казалось ей мерзким, а открывать рот перед лекарем страшно. В конце концов щеку красавицы разнесло, выглядела она уродливо. Оставалось ждать, пока нарыв сам прорвет.

Другая выгнала бы надоедливую соседку из комнаты или сама ушла, но Зое, живущей в папском дворце из милости, и гнать кого-то не пристало, и самой идти некуда, хотя имя у нее гордое, императорское – Палеолог. Два столетия Палеологи были на византийском троне, последний император – Константин XI – погиб, защищая город от турок, а с ним пала и Византийская империя. Католический мир не пришел на помощь осажденному Константинополю, но Ватикан приютил у себя брата последнего императора Фому Палеолога и потом его осиротевших детей. Так внучка одного императора и племянница другого Зоя Фоминична Палеолог стала воспитанницей понтифика и нахлебницей папского двора.

Лаура Зое не сестра и даже не родственница, просто новый папа Сикст пристроил к византийской царевне одну из своих дальних родственников. Лаура сначала была страшно недовольна, но потом поняла выгоду: она при дворе, а тяжеловатая, страдающая полнотой Зоя, совершенно не умеющая кокетничать или обольщать, прекрасно оттеняла легкую тоненькую Лауру. Выигрышное соседство. Кроме того, бесприданница Зоя и прав больших себе не требовала, те, кто живет из милости, не могут ни на что претендовать. Четырнадцатилетняя уверенная в себе кокетка легко превратила старшую подругу в подобие наперсницы-служанки. Нет, Зоя не прислуживала Лауре, но требования дать лекарства или позвать служанок выполняла исправно.

При прежнем папе было лучше, папа Павел больше благоволил несчастному деспоту Мореи и его детям, хотя Зоя прекрасно понимала, что и это благоволение не навсегда. Но что она могла поделать? Только ждать замужества или уйти в монастырь. Пока оставалась надежда на первое, слабая надежда, но она, как известно, умирает последней...

Полоскать, чтобы опухоль срочно спала, Лауре пришлось потому, что из папских покоев прибежал Розарио с вестью о приезде русского посольства от короля Московии. Он взахлеб рассказывал о том, сколько сундуков с дарами привезли русские. Мол, отведенные им комнаты сплошь заставлены, а папе Сиксту пришлось даже приставить отдельную стражу, чтобы отгоняла любопытных.

Зоя застыла, не зная, радоваться или все же плакать.

Дело в том, что известие касалось ее лично, приезд страшных бородачей означал, что ей, возможно, придется отправиться в далекую холодную Московию, где по улицам бродят дикие звери, да и люди не лучше тех зверей.

Там, в далекой, даже летом заснеженной Москве, дики-ми москвитами правил ужасный Иоанн Базилевс. Он был вдов, и, отчаявшись найти Зое Палеолог, названной в Риме Зоей, мужа среди аристократов Италии, предыдущий папа римский Павел придумал выдать ее замуж за этого правителя. О Московии ходило столько страшных слухов, что подобное замужество могло означать лишь заклятие, хотя иногда казалось, что среди снегов и медведей лучше, чем быть в богатом Риме нахлебницей.

Лаура, услышав столь потрясающую новость, завопила, требуя немедленно дать ей соляное полоскание. Она едва дождалась, пока Зоя снова разведет соль горячей водой, ведь полоскать холодной бесполезно.

Сама Зоя двигалась словно во сне.

Столько лет ждала она своего замужества! Сколько об этом дум передумала! Неужели оно будет столь ужасным и избежать не получится?

– Ну что ты возишься?! – возмутилась Лаура, заметив странное состояние девушки. – Может, это вовсе не те послы, может, не за тобой приехали.

Ей уже чуть полегчало, боль стала отпускать, и теперь распирало любопытство. Подруга по-своему расценила замешательство Зои, решив, что та в ужасе от приезда послов.

– Не переживай. А хочешь, скажись больной, мол, это у тебя зуб болит. Я подтверждаю.

– А? – очнулась Зоя. – Нет, не надо. Ты права, может, это не те послы, может, не за мной.

Но немного погодя пришел брат Андреас, оживленный и довольный, с тем же известием о московских послах.

Оказалось, что послы пока отдыхают в предоставленном им доме подле въездных городских ворот. Папа Сикст намерен встретиться с ними завтра, но сначала желает поговорить с самой Зоей.

По тому, какие сундуки да короба, как все разодеты, можно судить, что дело сладилось, приехали сватать Зою за правителя Московии.

– Ну, сестрица, быть тебе московской королевой! Будешь дикарями править и в повозке, запряженной медведями, ездить.

Лаура умирала от любопытства и от желания отправиться вместе с подругой, но приказ папы Сикста был четок: только Зоя.

Девушка шла в папский кабинет, не чуя под собой ног. Судьба решалась, неужели окончательно?

А судьба у Зои Палеолог, в Москве названной Софией, была нелегкой.

Ее дядя, последний император Византии Константин Палеолог, погиб на крепостной стене вместе с другими воинами, когда турецкий султан Мехмед приступом брал Константинополь. Отец Зои Фома Палеолог еще правил в Морее (на Пелопоннесе) вместе с другим братом, но турки скоро добрались и туда. Жена Фомы Катарина Заккария с детьми переехала на Корфу, а сам бывший деспот Морейский, забрав главную имеющуюся у него ценность – забальзамированную голову святого апостола Андрея, – отправился в Рим. Отдал реликвию папе Павлу и принял католичество в надежде, что сумеет устроить будущее своих детей.

Старшая из его дочерей, Елена, уже была замужем за сербским деспотом Лазарем, потому помощи не требовала (и сама родственникам не предлагала, даже маленькой Зое), младший сын Мануил предпочел службу султану Мехмеду и его веру. А вот старший Андреас и младшая дочь Зоя, оставшись после скорой смерти матери сиротами, были вызваны отцом в Рим. Но и рядом с отцом жить не получилось, тот позвал детей, потому как тоже умирал.

Остались Андреас и Зоя сиротами в чужом городе, чужой стране. Католичество приняли, стала Зоя Софией. Папа им содержание назначил, кардиналы из своих средств добавили немного, но всего этого было мало – едва концы с концами сводили. Иногда перепадало от щедрот папских, но как же это унижительно – быть нахлебниками! За всякую мелочь благодарить, кланяться и делать вид, что ни в чем не нужда-

ешься.

Андреаса считали наследником уже несуществующего византийского престола. Это все, что у брата и сестры было.

Их учили, особенно Зою. На ее счастье, учителем оказался кардинал Виссарион Никейский, человек умный, образованный и не считающий, что для девушки достаточно уметь читать и вышивать. Зоя освоила латынь, философию, много занималась историей, неплохо разбиралась в математике, географии и много в чем, чем даже Андреас ленился заниматься.

Но это не помогло ей выйти замуж.

Жениха нашли из знатного рода Караччоли, даром что стар был и немощен, а невеста совсем девочка, зато согласилась взять бесприданницу. Стать женой Зоя не успела, только обручили заочно, как жених помер. Она даже не видела возможного супруга ни разу.

Нет худа без добра: окажись Зоя настоящей наследницей, потеряла бы и папское содержание, и мужнина не получила, поскольку наследство после него было дутым – одни долги. Бог миловал, уберег.

С тех пор еще дважды сватали, но всякий раз что-то мешало. Да и женихи не из тех, из-за которых стоило слезы лить.

Зоя прекрасно понимала, что именно мешало: она бесприданница, не считать же приданым сохраненные Фомой Палеологом византийские реликвии – костяной трон, мно-

жество православных книг, грамоты... Для Рима это ничто, Западной Римской империи слава и честь Восточной вовсе не нужны.

Но было еще одно, что мешало Зое надеяться на замужество: она разительно отличалась от остальных девушек. Те, кто беседовал с византийской царевной, поражались ее уму, образованности, ее умению размышлять, пониманию людей. Но разговоры Зоя вела не женские, не о поэзии или любовных шалостях, а на серьезные темы. Кому нужны от девушки такие речи?

Она не умела кокетничать (кардинал Виссарион такому не обучал, а природа не наградила таким умением), слишком часто говорила что думала, бывала резка. А еще Зоя... упитанна. Рядом со своими тоненькими, словно былинки, и хрупкими подругами и вовсе выглядела толстухой.

Два года назад папу Павла осенила счастливая, как ему показалось, мысль – о браке Зои с овдовевшим правителем далекой страшной Московии Иоанном. Мысль понтифику так понравилась, что он, даже не спросив согласия самой невесты, отправил в Москву с Иваном Фрязиным его племянника Антонию Джислярди с предложением руки Зои.

Ответ пришел положительный, но великий князь Московии просил портрет невесты, дабы убедиться, что у нее все на месте: глаза, нос, рот... Портрет нарисовали и отослали. Зоя страшно переживала, потому что художник хоть и старался

изобразить ее в лучшем виде, но сделать этого не удалось. Правда важней, заявил он и отказался рисовать царевну в два раза тоньше и без бровей. А сама Зоя их категорически не желала сбривать (ее брови после выщипывания упрямо отрастали шире прежних!).

Иван Фрязин твердил, что в Москве не в чести худые и безбровые женщины, мол, Зоя, напротив, будет желанна именно такой, какова есть. К словам Джана Батисты делла Вольпе, которого в Москве именовали Иваном Фрязиным, следовало относиться с осторожностью, этот совет – дорого не возьмет. Сам Фрязин старался выглядеть значительно, делал вид, что он правая рука государя Московского, поскольку отвечал за выпуск монет. Никто не знал, насколько важен Вольпе в Москве, но благодаря и его стараниям эта свадьба могла состояться.

Портрет увезли, и потянулись длинные недели ожидания, превратившиеся в месяцы. Мало того, умер папа Павел и на папский престол взошел Франческо делла Ровере под именем Сикста IV. Нового папу сначала мало волновала судьба византийской царевны, честно сказать, не волновала вовсе. У Зои появилась робкая надежда, что об этом сватовстве забудут и ей найдут другого мужа.

Но подсуетился кардинал Виссарион, у нового папы следовало зарабатывать авторитет, значит, сделать нечто для престола очень полезное. Чем же хорош брак византийской бесприданницы с московским правителем? Очень полезная

штука. Прекрасный способ заставить великого князя Московии подписать унию и, главное, принять деятельное участие в крестовом походе против турок ради освобождения Гроба Господня. Несколько столетий русские князья ловко избегали сего, не ходили в походы и денег не давали. Пусть бы и сейчас не шли, но золото прислали. А еще меха, на Руси меха отменные.

Папа Сикст признал правоту мыслей кардинала Виссариона и снова отправил в Москву Антонио Джислярди с намеком к московиту, что пора, мол, и сватать царевну.

Саму Зою по-прежнему никто не спрашивал.

А ведь кто знает, что с ней сотворят в дикой стране, как жить заставят, не придется ли сырое мясо кушать или мыться то и дело?

Давно прошли времена римских терм, не одни римляне, вся Европа от воды отвыкла.

В Тибр из-за трупов и нечистот лучше не соваться, а немногочисленные колодцы не могли снабдить весь Рим чистой водой. Только самые богатые могли наполнять большие чаны водой, а потом сидеть в них до посинения. Но это в летнюю жару, а в холода, когда в каменных домах и без воды зуб на зуб не попадет, о мытье вообще забывали. Дрова слишком дороги, чтобы нагревать воду. Кроме того, всем известно, что с горячей водой через кожу внутрь человека проникает зараза! Благородные люди не моются, достаточно того, что рубахи меняют по несколько раз за день.

А москвиты мылись! Да-да, ходили слухи, что эти москвиты любят горячую воду, вернее, любят ее на себя лить и золой при том тереться. И это в жуткий холод, который стоит там круглый год!

Если бы только купание...

Когда побывавшие в далекой Москве рассказывали о странностях ее жителей, многие в Риме считали их слова выдумкой. Разве можно поверить, что дома даже простых москвитов не стоят вплотную друг к другу, словно это виллы? А драгоценными мехами лавки выстилают. Слепленные из снега комки (как их вообще можно в руки брать?) бросают друг в друга с удовольствием. Все потому, что большую часть года там так холодно, что пар изо рта идет, а зимой дома по крыши снегом заносит.

Рыбу предпочитают мясу, и она у простого люда каждый день, да не морская, а речная и озерная, что для Рима совсем уж немыслимо.

Большинство людей не туфли с длинными носами носят, а какую-то странную обувь, плетенную из коры березовых деревьев.

И моря там нет, вернее, есть, но далеко от Москвы и очень-очень холодное, даже называется Студеным.

Или (об этом тайно выведала служанка Зои Гликерия) что муж, вернувшись из поездки, к жене на ложе не взойдет, пока не вымоется весь. И после тоже моется...

А библиотек там нет, разве что в монастырях. Зоя опеча-

лилась: значит, и грамотных людей тоже нет?

Антонио Джислярди, что Зоин портрет к Иоанну Базилевсу возил, только и твердил о несметных богатствах, но что с тех богатств, если вокруг дикость?

Пока шли простые разговоры, Зоя не очень боялась, почти не веря в угрозу оказаться среди дикарей, но теперь, когда послы уже в Риме, вдруг осознала неизбежность жизненной катастрофы. Как бы ни было тяжело при папском дворе, но вокруг все знакомое, уже родное. Унижения, которые она испытывала, казались уже не столь высокой платой за возможность пользоваться книгами, быть среди образованных людей, жить в образованном обществе, одеваться не в медвежьей шкуры и обуваться в котурны, а не в куски бересты.

И теперь все это отнимали, предлагая взамен непонятное будущее в непроходимых лесах и болотах. Как она будет разговаривать со своими родственниками, с подданными, даже с мужем? Джислярди говорил, что их язык самый трудный из всех, какие он слышал, мол, половины жизни не хватит, чтобы сотню слов выучить. Что она будет делать, не понимая ни слова и не умея выразить свои просьбы и желания?

Каждая девушка хочет замуж, Зоя тоже хотела. Замужество – это возможность жить настоящей жизнью, даже если муж небогат или незнатен. Но только не такое, какое предстояло ей!

И Зое вдруг стало страшно, по-настоящему страшно. Захотелось броситься в ноги папе Сиксту с мольбой отпустить

в монастырь. Будь она менее сдержанной и практичной, так бы и поступила. Но жизнь уже научила Зою, что не стоит просить о том, чего все равно не получишь. Папа Сикст ни за что не позволит ей уйти в монастырь, если от ее замужества можно получить выгоду. Судьба самой девушки понтифика не интересовала вовсе, а вот выгода – очень.

С такими невеселыми мыслями Зоя спешила в кабинет к папе Сиксту.

Надежду, что этого замужества удастся избежать, следовало оставить. Если только москвиты приехали ее сватать, то Зоя Палеолог, племянница последнего византийского императора Константина и наследница византийского престола (которого больше нет), станет супругой далекого дикого правителя страшной холодной Москвитии.

В приемной перед кабинетом крутился Ченчо – очередной юный любовник папы Сикста. Зоя терпеть не могла этих молодчиков, с которыми Святые отцы занимались содомией, но всегда старалась делать вид, что не подозревает, почему красавчик рядом с Сикстом. И у папы Павла был постоянный жеребец рядом, готовый ублажить Святого отца, когда только потребуется. Все об этом знали, но никто не удивлялся и не протестовал.

Для Зои присутствие Ченчо означало, что разговор будет хоть и важный, но недолгий. Папа уже горел желанием уединиться со своим жеребцом, значит, поторопится завершить

дело с дочерью Фомы Палеолога. Это хорошо, она не очень любила бывать в папских покоях, а уж выслушивать его речи и того меньше.

Вошла, покорно склонив голову, как полагалось доброй христианке, по знаку папы подошла и приложилась к краю его одежды. Сикст нетерпеливо показал, чтобы поднялась, видно, и впрямь торопился к своему любовнику.

– В Рим снова прибыло посольство московитов. Они будут не только поздравлять нас с восшествием на престол Святого Петра, но и сватать тебя. Не нами сие задумано, но, поразмыслив, мы решили, что в том есть свой прок.

Девушка молчала, понимая, что это не обсуждение, а речь, которую надо внимательно выслушать и все исполнить.

– Дочь наша, думаю, ты достаточно хорошо воспитана и обучена кардиналом Виссарионом, чтобы понять, что данное тебе благодеяние нужно заслужить.

Зое очень хотелось сказать, что она давно заслужила, мало кому выпадало больше невзгод за столь короткую жизнь, чем ей, мало кому приходилось так и столько подстраиваться, молчать, угождать и склонять голову, даже когда хотелось вцепиться зубами в горло. Снова (в который уж раз!) склонила голову, приложилась к его полной дебелий, милостиво протянутой руке:

– Я постараюсь оправдать ваше доверие, святой отец.

– Да, – почему-то согласился тот. Присел сам, сделал знак, чтобы тоже села.

Зоя скромно примостилась на самом краешке стула, готовая в любую минуту снова пасть перед понтификом ниц и целовать край его одежды. И не только потому, что он глава всех христиан и наместник Петра, но и потому, что она живет в папском дворце из папской милости. Тут не до строптивости или неуважения.

— Мы не зря выбрали тебя на сию роль, дочь наша, надеясь, что ты сумеешь выполнить нашу волю.

Зоя удивилась тому, что папа Сикст тянет, хотя явно торопится. Не может решиться? Девушка тихонько подсказала:

— Я должна что-то передать от вашего святейшества правителю Московии?

— Не передать, это без тебя послы сделают. Но ты должна помнить о своем долге перед Святым престолом и о том, что наше желание постоянно: увеличивать и растить нашу паству. Посольство московитов будет на приеме только завтра, но Вольпе, которого они Фрязиным зовут, уже сообщил, что князь Иоанн согласен на унию по примеру Новгородского боярства и многих других.

Зоя, не вполне понимая, что требуется от нее лично, ждала. Понтифик встал, пришлось подняться и ей тоже. Прошелся по комнате, похрустел суставами пальцев, снова сел, сделал ей знак садиться. Из-за двери слышался громкий смех Ченчо, который таким способом напоминал царственному любовнику о своем нетерпении, но папа Сикст увлекся размышлениями, тема была слишком важной.

– Мы не вполне доверяем этому Вольпе, он нередко выдает желаемое за действительное и раздает обещания, выполнить которые не может. Но даже если то, что он утверждает, наполовину правда, то москвитов можно привлечь к священной войне против турок. Вот в этом ты и должна постараться, дочь наша. Как сие сделать, тебе подскажут люди, которых я отправлю в помощь. Об этом разговор еще будет впереди, а пока мы желали бы знать, готова ли ты верно служить нашим интересам и интересам Церкви?

Интересно, какого ответа он ждал? Только бы не заставил клясться! Клятвы Зоя терпеть не могла, а потому поспешно кивнула:

– Ваше святейшество, позвольте заверить вас, что я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы выполнить вашу волю и волю Господа.

– Хорошо. Нам нравится твое послушание и готовность служить Святому престолу. Пока иди. Когда будет нужно, мы тебя вызовем. И скажи, чтобы Ченчо зашел, мы желаем с ним поговорить.

«Старый развратник!» – мысленно ругалась Зоя, возвращаясь в свою комнату.

Ей наплевать на Ченчо и содомию, которая пышным цветом цвела при папском дворе. Девушка пыталась понять, чем ей грозит задание, данное папой.

Склонить московского правителя к унии... Так ли это трудно, если даже византийский император согласился на

нее? Зоя никогда не задумывалась над этими вопросами и понятия не имела, кто униат, кто католик, а кто и вовсе греческой веры. Кажется, в греческой (какой была и она сама, и ее отец Фома Палеолог до приезда в Рим) осталась только Русь. Тогда, конечно, нужно настоять на принятии унии.

Посоветоваться бы с наставником кардиналом Виссарионом, но он не в Риме...

Конечно, не того Зоя ждала от замужества, не хотелось думать о политике, да и само замужество пока не решено. Девичье сердце сильнее билось при мысли о том, каков правитель Московии, насколько он дик и звероподобен, на каком языке с ним говорить. Завтра москвиты во дворец на прием приедут. Это ближние люди государя Московии, едва ли по их виду можно судить о том, каков сам Иоанн Базилевс, но все же...

В ее комнате сгорала от нетерпения Лаура, от любопытства даже забывшая о больном зубе.

– Ну, что сказал папа Сикст?

Зоя вовсе не собиралась передавать болтушке Лауре разговор с папой, хотя понтифик и не просил держать в секрете. Пожала плечами:

– Сказал, что послы прибыли, надеется, что со сватовством. Предупреждал, чтобы была готова к встрече.

– Сегодня?! – ахнула Лаура, у которой опухоль все еще раздувала щеку, хотя заметно уменьшилась.

– Нет, они на приеме завтра будут, а там решат.

Лаура с хрустом потянулась, сладко зевнула,дохнув несвежим изо рта (даже фиалковые пастилки не помогали), и заявила:

– Знаешь, Зоя, тебе перебирать не стоит, и без того уже засиделась. В Риме жениха не найти, даже вдовцы хотят приданое или красоту, а лучше и то и другое. Вообще, зря вы в Рим приехали, лучше бы в своем Константинополе оставались. Но теперь уж для тебя лучше в Москву уехать.

Этот разговор не нов, Лаура, родственница и прежнего, и нынешнего папы, считала себя ценным даром для будущего мужа. А Зою неудачницей.

– Неужели ты не можешь втянуть щеки, чтобы они не выглядели пухлыми? Выпей уксус, чтобы не хотелось кушать. Прикажи выбрить себе волосы надо лбом, лоб должен быть большим!

Царевна злилась:

– Лоб у меня и без того не маленький! И уксус я пить не буду, чтобы потом животом не маяться. И брови выщипывать тоже не стану!

– Животом она боится помучиться! А то, что толста, как корова, это как? Тогда не ешь вовсе ничего, чтобы жир на щеках не вис.

Зоя уходила от разговора, когда никто не видел, вставала перед зеркалом и видела ужасающе не похожую на ту же Лауру невысокую полную девушку. Румянец на щеках просту-

пал даже сквозь слой белил, а толще накладывать уже нельзя – отвалятся. И брови широки, их либо рвать каждый день надо, либо смириться. И волосы с рыжинкой (от матери) густые прямо надо лбом. Лоб высок, но не до темени же.

Зоя пыталась представить свой облик, если только послушает Лауру, и понимала, что станет совсем страшной.

Нет уж, лучше в монастырь! Там не надо щипать брови и выдергивать ресницы, не надо пить уксус, чтобы исчез румянец, под широким одеянием можно забыть об отсутствии тонкой талии и о толщине рук тоже можно не вспоминать. Одна беда – в монастырь нужен вклад, если не хочешь стать послушницей, выполняющей всю жизнь самую грязную работу, следует принести золото или другие ценности. Но все, что у Зои есть, – ее имя, ее кровь и греческие реликвии.

Все это никому не нужно, разве только москвитам. Джан Батиста делла Вольпе рассказывал, пока царевна целый день позировала перед художником, что в Москве как раз такие женщины и ценны: полные, дородные, с румянцем во всю щеку и бровями вразлет. Но Вольпе болтун, это всем известно. А Москва дикая. Это тоже все знают.

Однако он не обманул – послы приехали. И теперь, плачь не плачь, Зоя должна отправиться в таинственную страну, где ценят таких, как она.

На второй день московских послов пригласили на прием. Чтобы не подумали, что Рим только их и ждал, прием устро-

или многолюдным, позвали всех, кто желал поздравить нового папу Сикста с восшествием на престол, но почему-либо не успел сделать этого до сих пор. Много чести кого-то одного отдельно принимать.

Несмотря на всеобщее столпотворение в Ватиканском дворце, наибольший интерес вызвало посольство Московии. Московиты были богато одеты в парчу и шелка, кафтаны щедро усыпаны жемчугами и самоцветами, а также мехами, от которых у римских модниц скулы от зависти сводило, на головах меховые же шапки (это в летнюю жару!).

Внимание любопытных привлекали дюжие молодцы с изогнутыми топориками на длинных ручках, идущие по сторонам подвод, груженных тяжелыми коваными сундуками. Мало кто из римлян оказывался им выше плеча. А подводы устланы богатыми коврами, такие не грех и в самом дворце постелить. И попоны у коней золотом расшиты... И упряжь с серебряными пряжками...

Было на что поглазеть римским зевакам в тот день.

Но глазели и сами московиты, Мамырев едва успевал отвечать парню или одергивать того. Никиша замолкал, но немного погодя принимался выпытывать снова:

– А чего царевну византийской кличут, ежели она римлянка?

И снова дьяк терпеливо разъяснял отроку, что царевна Зоя при рождении была Зоей Палеолог, она дочь Фомы Палеолога, племянница последнего византийского императора

Константина.

– Того, который погиб, когда Царьград турки захватили?

– Да, император вместе со своими воинами на крепостной стене Константинополя погиб, но поражения не признал. А братья его еще Морейским княжеством правили, пока турки и туда не добрались. Вот Фома Палеолог и бежал в Рим к папе, прихватив с собой голову апостола Андрея. Один из братьев царевны в Константинополь уехал, их веру принял и султану служит, второй латинянином стал, чаю, и царевна наша тоже.

– Дак как же тогда?!

– Латинянка не магометанка, мало ли царевен на Руси другой веры было? Но она Палеолог, в ней кровь царская. Как Царьград пал, православная вера словно осиротела, пора Москве главенство брать. Царевна в самый раз для нашего Ивана Васильевича будет.

На улице Никиша тарашил глаза, не в силах поверить в то, что видел. Чудеса вокруг, да и только! Нет, не огромные каменные здания, не мощенные камнем же узкие улочки – на некоторых двум всадникам не разъехаться, не множество площадей изумляли его. Хотя уже пожаловался, что из-за камня точно в склепе каком, а не в городе находится. Но больше всего дивился людям, их одеяниям, обуви.

Сначала парню показалось, что ходят без портов, ноги были так плотно облеплены тканью, что видна каждая жилка. Но потом понял, что это и есть их штаны, поскольку те раз-

ного цвета. То есть вот совсем разного – одна половина узких портов желтая, вторая красная. И во всей одежде так: правая половина спереди одного цвета, сзади другого, а левая наоборот. Чудно...

Узкие порты облегали тело, и все мужское достоинство срамно дыбилось. Никиша даже решил, что мужик спьяну полуголым из дома вышел, но огляделся вокруг и понял, что тут все такие – точно спьяну. Тьфу, срамота!

Сверху широкий кафтан весь в складках и сборках, будто вся ткань на него ушла, потому на порты и не хватило. Пояса два – один обычный, а второй широкий, с большим кошельком подвязанным. Дурак мужик ежели такого грабить, так и гадать не стоит – срезать пояс, и всех делов. Никиша задумался: если вот носят, значит, грабителей не боятся? Дьяк в ответ только плечами пожал, мол, сие ему неведомо.

И на головах вместо шапки тоже тряпица широкая намотана, а конец на плечо спущен или вовсе через руку перекинут. Не кланяется, решил Никиша, не то давно размотал бы тряпицу и шапку надел. Хотя летом какая шапка?

И обувь странная, как чулок, словно вовсе ее нет. В такой только по гладким плитам ходить, на камешек наступишь, так взвоешь. Не умеют подошву делать, что ли? И носок длинный, как у скоморохов.

– Колпаков с бубенцами недостает. Может, у них праздник какой, что все так вырядились?

– Ага, в честь твоего приезда. Дурака дурацкой одеждой

и привечают, — почти разозлился дьяк. — Сказал же, чтоб не крутил башкой да не глазел! Мало ли, кто как одевается? Чего ты на его мотню уставился?

— Да какая мотня-то? Срамотища одна.

Немного погода очередное потрясение.

— Василий Саввич, нешто вот этакую домой на Москву привезем?! — с тоской в голосе возопил несчастный Никиша, указывая глазами на римлянку.

Помня предостережение, пальцем не тыкал и говорил шепотом, но и в нем столько отчаяния, что дьяку даже смешно стало. Тем более римлянка, на которую Никиша указывал, и впрямь в Москве пугалом огородным выглядела бы.

На ней было большое, вздыбленное впереди (словно бы на сносях баба) платье с ворохом ткани поверх юбки, эти складки приходилось рукой придерживать. Но поразили Никишу больше ее туфли и голова.

— Чой-то она длинная такая?

Но оказалось что римлянка не высокая, просто шла на ходулях. Как иначе назвать большущие подставки вместо нормальной обуви?

Пришлось спросить Ивана Фрязина, тот отмахнулся, мол, это котурны, обувь такая. На вопрос зачем снова отмахнулся:

— Чтобы платья и ноги в грязи не запачкать.

— Какой грязи?

Оказалось, стоит пролиться хорошему дождю, и по улицам не пройти, все нечистоты потоком несет. Вот женщи-

ны, чтобы не выпачкаться, и носят такую обувь с высоченной подставкой.

Не меньшее удивление вызвало лицо. Девушка была бледная, без кровинки, с отсутствием волос надо лбом до самого темечка. Головка на тонкой шейке покрыта прозрачной вуалью, от макушки волосы свободно по плечам распущены, как в бане, но ни на лице, ни надо лбом ничего нет – ни волос, ни бровей, ни ресниц! И ручки тоненькие, даже синие жилки все на виду.

– Болящая, что ли?

Осторожно огляделся и понял, что не больная, просто принято так, чтобы у всех бровей и ресниц не было, личики, ручки, шейки – все как у курчонка, которого живьем ошпарили.

Пока Никиша оглядывался, процессия москвитов, сопровождаемая толпой любопытных зевак, добралась до папского дворца.

Торжественный прием у папы Сикста IV начался...

Самому московскому князю Ивану Васильевичу было не до сватовства и незнакомой невесты в далеком Риме. Отправив посольство за будущей женой, он в тот же час забыл об этом деле, навалились другие.

Великий князь давно знал о том, что новгородское боярство во главе с Борецкими договаривается с литовским князем Казимиром, чтобы отложиться от Руси, встать под руку

Литвы и принять латинство.

— Пред ордынцами устояли, а тут сами голову в петлю су-
ют! — ярился Иван Васильевич. — Неужто не понимают, что
и Казимир, и поляки только пока улыбаются, а потом так в
бараний рог согнут, что рука Москвы ласковой покажется.
Ганзейский союз их и ныне за щенков неумных держит, а
ежели под Казимира встанут, так вовсе прислугой будут.

— Отец, а почему ты Ганзейский союз ругаешь? — вставил
слово четырнадцатилетний наследник, тоже Иван, прозван-
ный ради отличия от отца Молодым. — Новгород много с ган-
зейскими купцами торгует, прибыль знает.

Великий князь московский вздохнул:

— То-то и оно, что прибыль малая, а могла быть большая.

— Торговлю лучше наладить?

— Нет, Ваня. Ганзейские купцы хитры, они Новгород к се-
бе в союз не пускают, а с ним разрешают торговать только
купцам немецким. Те и скупают в Новгороде все задешево,
а у себя продают втридорога. Ежели бы новгородцы умней
были да свои причалы ближе к морю Варяжскому поставили
и своих купцов с товарами по всем странам снаряжали, то и
выгода вся им была.

— А новгородцы о том не ведают?! — ахнул княжич.

— Ведают, но чтобы такой город у моря с причалами для
больших ладей поставить, надо с Москвой объединиться.
Никто из соседей его построить не позволит, немедля напа-
дут и сожгут. Но к Москве или вон к Твери за подмогой идти

не хочется, вот и живут сами по себе.

– Потому ты их воевать решил?

– Нет, не потому. Пусть бы себе сами сидели, но бояре новгородские решили под Казимира лечь, даже договор подписали. И на унию согласны.

– А чем это для них плохо?

– Потому как не просто самостоятельность потеряют, но и самих себя. Не новгородский люд латинянам нужен, а богатства этой земли, а люди лишь как рабы.

– А ты на латинянке жениться собрался, – неожиданно укорил сын отца.

Иван Васильевич хмыкнул:

– Ишь ты какой!

Трудный разговор на сей раз не состоялся, но великий князь прекрасно понимал, что сын еще спросит, чего ради взял мачеху-чужеземку. И отвечать придется. Противился не один Иван-младший, против и митрополит Геронтий (ох и неуступчивый старик!), предвидевший неприятности от приезда в Москву не просто латинян – послов или купцов, а супруги князя и ее свиты. Небось навезет своих людей, заполонит Москву, нарушит начавшую налаживаться спокойную жизнь. Ничего хорошего от княгини-латинянки (пусть и из рода Палеологов) митрополит не ждал, но великий князь, как обычно, всех выслушал, а поступил по-своему. Это тоже страшно злило Геронтия. К чему советовать, если поступит так, как давно решил?

Новгород Иван Васильевич воевал успешно, разбив городское войско полностью и жестоко наказав за предательство.

Он все сделал не так, как делали князья до того.

Уже знал, что бояре во главе с Марфой Борецкой заключили уговор с литовским князем Казимиром, обещавшим, что сядет на коня в защиту города от Москвы. Потому следовало поторопиться.

Обычно низовские княжества Новгород, будь то Москва или Тверь, воевали зимой. Когда же еще лезть с войском в приильменские болота? Воеводы Ивана Васильевича повели свои полки летом, когда новгородское ополчение жатвой да покосом занималось или на ладьях с купцами уплыло.

Новгород легко выставлял в помощь своему нанятому с дружиной князю большое ополчение, хорошо обученное и боеспособное. Мало у кого из русских княжеств такая сила была, не уполовиненная к тому же ордынцами. Иван Васильевич это учел и отправил свое войско тремя рукавами. Первые ушли еще в мае вокруг озера Ильмень с востока. Воевода Холмский повел свои полки к Старой Руссе и оттуда вдоль берега озера Посолонь к Шелони, чтобы там объединиться с псковичами. А сам великий князь вышел следом за остальными, чтобы быть у Новгорода ко времени подхода первых двух.

Уговор с псковичами тоже был хитростью Ивана Василье-

вича. Если Новгород встанет под Казимира, то Псков попадет в полную зависимость от ливонцев. У псковичей не было иного выхода, кроме как помочь Москве против своего старшего брата Новгорода.

Марфа Борецкая и ее бояре не волновались, даже когда пришлось разделить войско на три части, у Новгорода сил хватало, к тому же Казимир обещал...

Но сначала москвичи разбили новгородцев на востоке, потом дважды у Старой Руссы, а потом было сокрушительнейшее поражение на Шелони, когда пять тысяч воеводы Холмского переправились через реку там, где бродов никогда не было, и в клочья разнесли сорокатысячное войско Новгорода, обойдясь без помощи еще не подошедших псковичей.

А что же Казимир?

Не зря же Иван Васильевич своих людей посреди лета в новгородские болота к комарам на съедение бросил, осенью могло быть поздно. Казимир именно тогда оказался занят вдруг возникшим недовольством поляков, с которыми был в едином государстве. До Новгорода ли ему, если в своем государстве свара?

После второго нападения новгородцев под Старой Руссой воевода Холмский примерно и жестоко наказал пленных – в Новгороде много появилось безносых и безухих людей. Это чтобы запомнили, что будет с каждым, кто против Москвы на предательство решится.

Основное войско в Новгород и не пошло, все на Шело-

ни решилось. После Шелони наказывать ополчение не стали, чтоб врагов в городе не множить. Казнили только зачинщиков-предателей, среди них Дмитрия Борецкого, сына Марфы. Второго сына посадили в тюрьму в Москве, а потом постригли в монастырь.

Иван Васильевич понимал, что установившееся спокойствие ненадолго, но хоть несколько лет за северные рубежи Москвы можно было не бояться.

Это очень важно, можно развернуть основные силы на юг, где вознамерился добраться до Москвы хан Ахмат со своим бесчисленным войском. Орда развалилась на части, но ради похода на Русь даже отдельные ханы легко договаривались между собой. Ахмат был самой большой опасностью для Москвы.

Уже к лету все что только возможно оказалось стянуто к Оке. Ахмата нельзя допустить к Москве, иначе гибель. В июле, убедившись, что просто так переправиться через Оку ему не дадут, хан повернул на запад и по пути осадил небольшой городок Алексин на самом берегу. Крошечная крепостица задержала многотысячное ордынское войско, а тем временем по другому берегу подошли один за другим великокняжеские полки. Броды снова оказались прикрыты.

Защитники Алексина погибли во множестве, но хан Ахмат вынужден был повернуть обратно в степь, не дождавшись встречи с князем Казимиром для совместных действий. Москва была спасена.

Иван Васильевич с основными силами вернулся в Москву только к осени. Там его застало известие, что сватовство прошло как полагается, невесту привезут вборзе.

Вборзе, то есть быстро, не вышло. Как ни убеждали папу Сикста и саму Зою, что нужно торопиться, ведь ехать предстояло до самого Балтийского побережья, а там плыть до Колывани, добираться по плохим дорогам до Пскова, потом до Новгорода по осенней распутице и оттуда в Москву, латиняне понять этого не могли.

Дурную роль сыграл Иван Фрязин. Тому так хотелось показать себя соотечественникам и всем остальным, что он убедил папу Сикста в важности пышного шествия в знак успехов ватиканского престола в мире, и вместо торопливости в каждом городе предстояли задержки из-за праздников, пиров или просто толп зевак.

Но до того еще была встреча послов с самой невестой великого князя и заочное обручение Зои с Иваном Васильевичем, которого представлял Иван Фрязин.

Неизвестно, на кого встреча произвела большее впечатление.

Послы посетили братьев царевны Андреаса и Мануила, Фрязин предупредил об их приходе и предложил, чтобы в доме Палеологов в Санто-Спирито «случайно» оказалась Зоя. Девушка согласилась, но шла к братьям с большой опаской. Она уже много слышала о богатейших дарах (роскош-

ная шуба и семь десятков соболей чего стоили!), которые московиты преподнесли папе Сиксту, о том, что они хоть и одеты странно, но вовсе не зверского вида, на женщин не бросаются и в свои покои не тащат. И все равно было страшно. . .

Ивана Фрязина она уже видела в предыдущий его приезд, но тот из Виченцы, а у московского правителя монету чеканил и вот такие посольские поручения выполнял. Трое других от него отличались. Двое крупные, даже толстые, богато разодетые (Андреас с завистью рассматривал пуговицы из самоцветов на их кафтанах), третий высокий, но худой, зато глаза цепкие и внимательные сверх меры.

Послы принесли подарки, и братьям невесты отдельно. Когда открыли крышки богатых ларцов, щедро усыпанных самоцветами, Андреас даже сглотнул. А слуги принесли еще связки мехов.

Старший из Палеологов был столь потрясен подарками, что не заметил вошедшую в комнату сестру. Мануил вынужден был толкнуть его локтем.

– А это наша сестра Зоя. . .

Зоя приветствовала гостей поклоном (уже знала, что именно так полагается делать в Москве), те ответили. Повисла тишина, которая не была зловещей – московиты и их будущая правительница разглядывали друг друга.

Взгляд дядка Мамырева потеплел: хороша, нечего сказать! Невысокая, великому князю только что по плечо будет,

полненькая, с белоснежной чистой кожей, густыми волосами, убранными под сетку, темными глазами под бровями дугой и пухлыми губами. Какой дурень мог сказать, что царевна нехороша?! Что на этих бритых худосочных чучел на ходулях не похожа, так слава богу!

На душе у москвичей полегчало: и брови у царевны на месте, и ресницы тоже, и волосы не от темечка, а надо лбом начинаются, а лоб высокий, и взгляд темных глаз умный. Пухленькая, не как тощие щипанные курицы, ими в Риме виданные, шея хороша, словно для ожерелий создана...

Опомнившись, дьяк сделал знак, и Никиша поднес большой ларец.

– Позволь, царевна, дар тебе от будущего супруга преподнести.

В ларце жемчуга и украшения самые разные. А помимо ларца еще подали связки мехов белых, как лебединый пух.

– Горностай, чтоб на одежду нашить. И ткани, хотя у вас своих фряжских много, а эти издалека, из Орды привезены.

Зоя ахнула – у нее в руках оказался большой кусок тонкого шелкового полотна.

И все равно ее больше интересовали люди, эту роскошь дарившие. Понятно, что от князя своего дары привезли, понятно, что не худших послами отправил, но ведь и сам правитель Московии тоже не худший. Она смотрела из-под ресниц, а так хотелось открыто разглядывать!

Было видно, что внешне невеста послам понравилась.

Удивительно, но и сами бородатые здоровяки произвели на нее хорошее впечатление. И вовсе они не дикари, а что одеты иначе, чем римляне, то неудивительно, у них холодно круглый год, потому меха и ценятся. Наверное, и бороды, чтобы подбородок не мерз. О чем шел разговор, и не вспомнить, Зоя молчала, ей беседовать с чужими не положено, но слушала внимательно. Переводил Фрязин, однако что-то подсказывало царевне, что высокий худой москвит понимал и без перевода.

Немного погодя царевна поспешила откланяться, знала, что и без того кардинал Виссарион будет недоволен ее поведением. А за своеволием всегда следовало наказание, не физическое, но лишение чего-то ценного.

Семь лет назад, принимая покровительство над детьми Фомы Палеолога, Виссарион написал целое послание, чтобы не забыли, что им надлежит делать и как себя вести. Твердил, что если будут добрыми католиками, то будет у них все, а если нет, то останутся нищими. Зоя старалась быть доброй католичкой, но «всего» у детей Фомы Палеолога все равно не было. Старшая сестра Елена после гибели своего супруга, сербского деспота Лазаря Бранковича, вынуждена была бежать от турок и укрыться в греческом монастыре, Зоя с братьями жили на небольшую сумму в ожидании непонятно чего.

Даже сейчас Зою могли лишить этих даров, украшений, мехов, самой надежды вырваться из зависимости. Уже три-

жды замужество отменялось в последнюю минуту. Что, если и теперь москвитам что-то в ее «неправильном» облике не понравится или поймут, что она бесприданница, у которой нет денег даже на дорогу в далекую Москву? И белый мех – единственный, других не имеется. И шелка у нее тоже никогда не было, поскольку 100 дукатов на каждого очень мало, а Андреас то в кости проиграет, то на шлюх потратит, то выплачивает кому-то за нанесенные побои или оскорбление...

Прощаясь, с тоской думала о том, что щедрые дары завтра же могут отправиться в папскую казну, если понтифик решит, что она вела себя недостойно. Но вдруг встретила глазами с дьяком Мамыревым и поняла, что вот эти бородачи ее даже в Риме не дадут в обиду! Это новое, не испытанное доселе чувство защищенности было настолько сильным, что Зоя замерла. Всего на мгновение, но остановилась, продолжая смотреть в глаза Василия Саввича.

А тот широко улыбнулся и тихо произнес:

– Будь спокойна, государыня.

Зоя улыбнулась в ответ.

Девушка возвращалась к себе словно во сне.

И дело не в том, что не были эти москвиты дикарями, а дьяк даже по-итальянски говорил, не в богатстве даров (не последнее же привезли!), а в потрясающем чувстве защищенности. Ее детство прошло под знаком боязни турок, страха попасть в плен и оказаться в рабстве.

Зое не было восьми, когда пал Константинополь и к ним в Морею (на Пелопоннес) потянулись беженцы. Они привезли не только книги и спасенные христианские реликвии, но и страх перед турецким рабством.

Ей не было пятнадцати, когда семья вынуждена была бежать на Корфу. В неполные семнадцать Зоя осталась опекуницей братьев после смерти матери. Хорошо, что отец забрал их в Рим, но тут же они снова остались одни. Из-за переживаний девушка начала толстеть. Зоя ела куда меньше Лауры или других подруг, но стать такой же тонкой и хрупкой никак не могла.

Царевне постоянно выговаривали из-за неподобающей полноты и неумения общаться с противоположным полом.

– Кому нужны твои рассуждения об устройстве государства? Кардинал Виссарион заморочил тебе голову платонизмом, а мужчины от девушек ждут вовсе не этого, – наставляла ее прежняя подружка Джулия, быстро вышедшая замуж и без большого приданого. Просто она знала, о чем нужно вести беседы с мужчинами.

Зоя боялась остаться без мужа, подумывала о монастыре, но постриг принимать вовсе не хотела, слишком ярким был пример старшей сестры, ставшей монахиней. Нет, Зоя хотела жить! Пусть в Московии, кажется, там не все так плохо, если есть люди как этот дьяк с умными добрыми глазами. Не один же он такой?

Чем больше думала, тем легче становилось на душе. Зоя

поверила, что находится под надежной защитой, что теперь все в ее жизни будет хорошо, она понравилась, ее не дадут в обиду. Поверила и на следующий день в соборе Святых Петра и Павла рядом с Иваном Фрязиным, выступавшим от имени великого князя Ивана Васильевича, на заочном обручении стояла спокойно и прямо.

Красавица Кларисса Орсини, присутствовавшая во время обручения, только головой качала:

– Зоя, кажется, не боится ехать в эту страшную Москву.

Королева Боснии Катарина тихонько фыркнула:

– Ей так много лет и у нее так мало надежды найти другого мужа, что и вдовому правителю Москвы обрадуешься.

Но на невесте были такие украшения, что не завидовать дамы не могли. Вот тебе и бесприданница! А считалось, что эта Зоя Палеолог нищая...

Объяснению, что подарил будущий супруг, поверили не сразу.

– Неужели и в дикой Московии такие украшения делать умеют?

Но посольство все было в богатых одеяниях, даже охрана и слуги. И невесте меха подарены отменные, а еще шелк и парча не итальянская, а какая-то восточная.

Что осудить нашли:

– Невеста словно тумба!

– На одно платье пошло ткани столько, что можно весь

собор укрыть.

– А раскрашена-то! Щеки пунцовые.

– Это у нее свой румянец такой, как у простолюдинки.

– Неужели нельзя было его белилами замазать?

– Да, она этим москвитам под стать. Неудивительно, что именно Зою посватали, а не другую благородную, изящную римлянку.

Конечно, Зоя замечала и завистливые, и насмешливые взгляды гостей (мужчины осуждали даже больше, чем женщины), но теперь ей было все равно. Она не просто сосватана – она заочно обручена, и если не погибнет по дороге, то совсем скоро станет супругой московского правителя и сама правительницей. В Москве византийскую царевну ждал не сын мантуанского маркиза Гонзаго, не разорившийся итальянский князь Караччоло, не незаконнорожденный сын свергнутого правителя крошечного кипрского королевства, а законный правитель огромной страны, который мог прислать подарки, приведшие весь Рим в оторопь.

Там, в Москве, оценят ее ум, образованность, не потребуют пить уксус или щедро мазать лицо цинковыми белилами, от которых потом сыпь на коже. Там не станут хихикать или тыкать пальцем из-за ее полноты. Не будут укорять отсутствием приданого...

Зоя вдруг ахнула: а вдруг будут?! Вдруг и московские послы не знают, что у внучки императора Мануила нет средств даже на то, чтобы доехать до жениха? Девушка почти запа-

никовала, от нее уже однажды отказался Федерико Гонзаго, всего лишь сын маркиза Мантуи, как только узнал, что невеста бедна, словно церковная мышь. Как же она не подумала о возможности такого позора?! Почему не подумал папа Сикст?

Зоя едва дождалась, когда закончится церемония и гости разойдутся, и бросилась к братьям. Те успокоили:

– Послы приданого не требуют, князь Иоанн Базилевс сам богат. А на ответные дары и дорогу в Москву папа Сикст обещал тебе выдать денег.

Полегчало...

Поняв, что все решилось, обратной дороги нет и она станет московской правительницей, Зоя словно выпрямилась, прежде всего где-то внутри, но это сказалось и снаружи. Что-то изменилось в ней, пропала сирота, живущая у богатых родственников из милости, хотя пока еще не появилась княгиня.

Желая сделать будущему супругу и родственникам приятное, Зоя пыталась выучить хотя бы несколько русских слов. Как там называют правителя Московии?

Зоя пыталась запомнить:

– Коназ... коназ... коназ... Коназ Иоанн Базилевс.

– Царевна, надо говорить «князь», а не «коназ». «Коназ» говорят ордынцы, которых на Руси ненавидят, – поучала

московитка.

Зоя с удивлением уставилась на девушку:

– Ты латынь знаешь?

– Да, и фрязский тоже.

– Повтори, как нужно говорить.

После двадцати попыток Зоя усвоила, что после первого звука «к» нужно словно остановиться, а потом мягко.

– К инязи...

Девушка-московитка смеялась.

– Как тебя зовут?

– Настена я. Просто «князь», без «и». И звать его Иван Васильевич. И не «Маскава», а «Москва».

Неожиданно для себя Зоя попросила:

– Пойдешь ко мне в услужение? Будешь русскому языку учить.

Настена сверкнула хитрым синим взглядом, кивнула:

– Возьмешь, так пойду.

Настену Зоя заметила сразу, девушка чем-то напоминала ее старшую сестру Елену, хотя похожа почти не была. Московитка удивительно красива, за ней в Риме толпы зевак ходили: рослая, стройная, крепкая, светлая коса с руку толщиной по спине змеилась, а глаза синие... Полновата, как все простолюдинки. Одновременно приветлива и насмешливо недоступна. Позже Зоя не раз оказывалась свидетельницей, как Настена избавлялась от поклонников и высмеивала особенно приставучих наглецов.

- А кому ты сейчас служишь?
- Да Василь Савичу Мамыреву, дьяку нашему.
- Ты его любовница?
- Чего?! Нет, просто служу, Никиша пристроил.

Богатырского сложения Никишу Зоя тоже заметила. Рождает же таких земля! Ее брат Андреас гиганту по плечо, не выше. И кулаки у москвиты такие, что камни раскалывать можно. А глаза как у Настены, в них небо заглянуло и осталось. Неужели и у князя Иоанна такие? При мысли об этом где-то внутри у Зои сладко замерло.

Она решила Настену от себя не отпускать, девушка хорошо говорила по-итальянски, значит, могла не только научить разным трудным словам саму царевну, но и многое рассказать о Москве. Нет, надо даже думать правильно, чтобы привыкнуть: Москве. Вот!

Так у Зои рядом с гречанками среди свиты появилась ближайшая подруга – москвитка Настена. Настя действительно многому научила царевну, о многом рассказала и стала настоящей палочкой-выручалочкой для Зои на пути в загадочную и теперь уже не такую страшную Москву.

И еще с одним удивительным человеком состоялась у византийской царевны встреча, сыгравшая в ее жизни очень важную роль.

С посольством Московии в Рим приехал старец Амвросий. Путь его лежал в Афонский монастырь, но пройти через

турок невозможно, вот и решил добираться вместе со сватами до Рима, а уж оттуда через греческие обители на святую гору Афон. Старец не встречался ни с кем из священников Рима, чтобы не ввязываться в теологические споры, не ходил по городу вместе с боярами и дьяком, но после заочного обручения Ивана Фрязина от имени великого князя с византийской царевной Амвросий улучил минутку, чтобы подойти к Зое.

Заговорил по-гречески, чем тронул царевну до слез.

– Благословить тебя хочу, доченька. Езжай на Русь, в Москве твое место, там цареградской царевне жить, а не в Риме. Иконка сия с твоим именем схожа – святой Софии, Веры, Надежды и Любви. Святые сии супружество да материнство берегут. Пусть все они с тобой будут и тебя оберегают. Бог в помощь, доченька.

Зоя заметила, как напрягся наблюдавший за ней епископ Бонумбре, поняла, что показывать иконку никому не стоит, ловко спрятала ее среди многочисленных складок одежды, а на вопрос самого папского легата ответила, что старец благословил на замужество. Она вообще никому об иконке не рассказала, спрятала на самое дно большого сундука с книгами, предварительно обернув чистой тканью. Из-за суматохи сборов даже верная служанка Гликерия этого не увидела, а может, и увидела, но значения не придавала, мало ли что царевна хочет с собой увезти?

Времени на сборы дали совсем немного, послы рассчитывали пробыть в Риме только месяц, все твердили, что нужно успеть на Русь до осенней распутицы, иначе потом будет трудно и холодно ехать. Но об осенней распутице думать не хотелось, какая распутица, если до холодных дождей еще несколько месяцев! Конечно, в Риме не представляли, что такое московский октябрь и осеннее Балтийское (русские звали его Варяжским) море.

Как ни торопили послы, царица со свитой были готовы выступить из Рима только двадцать четвертого июня. А ехать предстояло на север через всю Италию, германские города до самого Любека, а там морем до Колывани, который в Европе Ревелем называли. И от Колывани снова по суше через Юрьев, Псков и Новгород на Москву.

Московиты представляли трудности пути, Зоя и ее сопровождающие нет, а потому не торопились.

Перед отъездом папа Сикст и впрямь дал Зое денег и бумагу к банкирскому дому Медичи на получение огромной суммы в шесть с половиной тысяч дукатов из тех средств, что были собраны на поход против турок. Часть денег предназначалась епископу Бонумбре, часть оставалась в залог у Лоренцо Медичи, но основная сумма все же доставалась Зое, вернее, ее будущему супругу.

Зоя, получавшая по сто дукатов в месяц, понимала, что это не столь уж большая щедрость, но на дорогу вполне хватит.

Перед отъездом она решила поговорить с братом. Девушке очень хотелось оставить братьям хоть немного денег, но все они были у папского посла Антонио, который должен привезти невесту в Москву и передать жениху вместе с приданым. Тогда Зоя открыла ларец с подарками будущего супруга. Подарки не возвращают, значит, она вправе подарить что-то на память своим родственникам!

Андреас принял украшения спокойно, словно так и нужно, Зоя была готова отдать все, но понимала, что так нельзя, супруг обидится.

– Андреас, послушай меня. Я скоро там освоюсь и заберу тебя к себе. Ты только дождись, брат, не натвори бед.

Палеолог фыркнул: будет ему сестра наставления давать!

– Как бы тебя саму не пришлось обратно со слезами забирать. Если что, отправь с оказией просьбу, что-нибудь придумаем.

Зоя подумала, что брат вполне может оказаться прав, но прогнала от себя такие черные мысли.

Оставалась последняя ночь в Риме, Вечный город становился ее прошлым, в котором было больше унижения и страха, чем радости и спокойствия. Каким будет будущая жизнь?

Утром моросил мелкий дождик, а уезжать в дождь хорошо, об этом, смеясь, напомнила Клариче Орсини, супруга Лоренцо Медичи, которая ехала с ними до Флоренции.

В Москву!

О, это была огромная процессия!

Большинство любопытных римлян, мокнувших под дождем больше часа, так и не дождались ее конца – за дорогими каретами самой царевны и едущей с ней Клариче Орсини тянулась внушительная вереница других карет, повозок, ехали всадники, тащились пешие слуги и охрана.

Вся Италия по пути, а проследовать им пришлось от Рима до Альп через Витербо, Сиену, Флоренцию, Болонью и множество городов помельче. Потом через Альпы и все немецкие земли до самого побережья в Любек. Оттуда морем до Ревели, который московиты называли Колыванью, и снова сушей до русских земель, а уж там...

Никто толком не знал, что ожидало византийскую царевну в Московии, путешественники, которые бывали в Москве, рассказывали столь удивительные и противоречивые вещи, что разум отказывался верить. Был, конечно, Джан Батиста делла Вольпе, уже много лет служивший московскому правителю и приезжавший в итальянские города по его поручениям, но всем известно, что Вольпе болтун, врет без стеснения. Если верить его словам, то московский князь богаче папы римского, а сама Московия так велика, что на ней поместится не одна Италия со всеми городами-государствами.

Что московиты ходят в дорогуших мехах, но при этом носят обувь, сделанную из коры деревьев. Что там нет моря, а потому московиты едят много речной и озерной рыбы, а рыбыны бывают столь огромные, что их вынуждены нести по несколько человек. И мяса у них много, особенно зайчатины и всякой птицы.

А еще там всего три месяца в году тепло, в остальное время либо холодно, как в Риме зимой, либо вовсе такие морозы стоят, что вода в реках и озерах замерзает толстым слоем. По этому льду даже всадники и повозки ездят, и на нем рынки устраивают. И снег лежит такой, что если подходы к домам не расчистить, то засыплет по крышу.

Но московиты снегу радуются, ставят свои кареты и повозки на большие полозья и так ездят быстро.

А в домах все время, пока холодно, топят печи. Каждый день и вдоволь, потому внутри жарко, в то время как снаружи можно замерзнуть.

Если послушать Вольпе, значило, что Зоя едет в самую удивительную страну, где жить очень трудно.

Но выбора у нее все равно не было, а чтобы не пугаться, Зоя решила пока никакого Вольпе не расспрашивать и не слушать. Ей сочувствовали все: получить богатые подарки не значит удачно выйти замуж. Если жизнь в Московии столь трудна и страшна, то как не пожалеть пусть и чужую, но все же воспитанницу папы византийку Зою Палеолог? Жалели, кто притворно, втайне насмехаясь, как Лаура, а кто искрен-

не, как добрая Клариче Орсини.

Клариче много моложе самой Зои, но у нее уже дети. Ее супруг – блестящий Лоренцо Медичи, которого уже прозвали Великолепным, к жене холоден настолько, что открыто предпочитает ей другую. Зое очень хотелось спросить почему. Чем красивая, скромная, нежная, прекрасно воспитанная и образованная Клариче могла не угодить очень некрасивому, пусть и блестящему, Лоренцо? Когда все же решилась, получила короткий ответ:

– Сердцу не прикажешь.

Зоя ужаснулась: что, если и у нее будет так? Московский правитель вдов давно, наверняка у него есть какая-то любовница. Что, если князь Иоанн будет предпочитать эту женщину собственной супруге? У Клариче есть возможность ездить в Рим или просто к родственникам в другие города, муж отпускает ее одну, а как в Московии? Не уедешь же оттуда надолго? Или можно уехать?

Увидев во Флоренции соперницу Клариче, Зоя затосковала. Предпочтения этих мужчин непостижимы, столь достойной супруге Медичи предпочитал откровенную распутницу, пусть и красивую, но доступную не только для него.

Зоя решила осторожно выяснить у Настены щекотливый вопрос. Она не могла расспросить об этом никого из мужчин, дьяка Мамырева в том числе, но не была уверена, что девушка хоть что-то знает об интересующем ее предмете, разве что слухи... Но слухи – самое верное.

Долго не знала, как приступить к разговору. Наконец решилась, словно невзначай поинтересовалась, есть ли у великого князя любовник.

Настена действительно не поняла:

– Кто?

– Ну, вот у его святейшества сейчас есть Ченчо, который... ублажает его в спальне.

Настена буквально вытаращила глаза:

– Ченчо мужчина?!

– Ну да, красивый юноша...

– Содомией, что ли, занимается?!

Зоя покраснела, словно это ее саму обвиняют в непотребном поведении, только плечом дернула. Настена все поняла, энергично замотала головой:

– Что ты, царевна! Девочек к князю наверняка водят, вдовый столько лет ведь. Но за содомию митрополит и проклясть может.

– Митрополит? А он сам как? Лупанарии в Москве есть?

– Это где девочки непотребные живут и мужчин ублажают?! – Настена придвинулась к царевне ближе и зашептала: – Хорошо, что меня спросила. Других не спрашивай, смеяться станут или вовсе ругаться. Вера наша не только содомию порицает, но и всякую измену супружескую. Конечно, князьям да боярам девочек в опочивальню водят, но из дворовых. Никаких лупанариев в Москве нет! Ежели чистоту тела блюсти не будешь, так и душа быстро выпачкается. За женскую

измену – развод, тому мужу, что прелюбодеяние жены своей простит за ради любви к ней или не желая детей без матери оставлять, штраф большой в пользу церкви определяют, чтобы женка знала, что своей неверностью семью в разорение ввела.

Зоя вспомнила нравы папского окружения и тихонько вздохнула: эта Московия не только дикая, но и монашеская. Но одновременно почувствовала, что такой аскетизм приятен, он действительно пах чистотой. Грязная Московия на поверку оказывалась чище не только из-за мытья в бане, но и из-за своих правил поведения.

– И разводы невозможны?

– Почему же? Бывают. Муж от женки отказаться может, ежели она прелюбодейством займется или бесплодной окажется. И жена от мужа тоже потому может. Прелюбодейство редко доказать удастся, но ежели муж никчемный, в опочивальню не ходит и других девок не имеет, то можно и развод получить. А еще пострижение причиной может стать.

– Что?

– Пострижение. Ежели один из супругов в монашество уйти вознамерился, раньше другой должен за ним бы пойти, а ноне нет, можно развод попросить и за ради детей, например, в миру остаться...

Настена еще долго рассказывала о супружеской жизни в Московии, о жизни в княжеских теремах она знала понаслышке, а вот о боярах, особенно новгородских, так и сыпа-

ла примерами и именами.

Зоя поняла главное: женская половина богатого дома практически отделена от мужской и чужих там не приветствуют; жизнь женщин довольно замкнута, посвящена семье и детям, это их первейшая обязанность – рожать и растить хороших детей.

Праздники в Московии почти исключительно церковные, разве только Масленица перед Великим постом да свадьбы.

– А дни рождения?

– У нас не дни рождения празднуют, а именины, связанные с тем святым, в честь которого человек крещен.

Два месяца спустя они еще только подъезжали к Любеку. Там было решено неделю передохнуть перед трудным морским путешествием. Никакие увещевания московитов, советовавших поторопиться и отдохнуть лучше в русских землях, не были услышаны, противился больше всего Джан Багиста. Вольпе вообще вел себя странно, он принимал все приветствия и подарки так, словно сам был государем Московским и женихом Зои Палеолог, но настойчиво рекомендовал некоторым спутникам царевны вернуться в Рим. Будь его воля, с Зоей на корабли сели бы только женщины и слуги.

Но, конечно, его не слушали.

И вот оно море... Совсем иное, чем то, на берегу которого Зоя родилась и выросла. Ветер холодный, несущий мелкие брызги почти ледяной воды. Небо серое, солнце если и про-

глядывало, то ненадолго.

Целых два дня грузили на корабли все, что должны были привезти в Москву вместе с царевной. Потом размещались сами. И вот наконец поднят якорь, и Зоя Палеолог с тоской глядит на удаляющийся берег. Не в первый раз тоской сжало сердце: куда она плывет, что ждет впереди?

Грусть царевны пыталась развеять Настена, чтобы в тысячный раз не задаваться трудным вопросом о своем будущем, Зоя принялась усиленно учить трудный русский язык. Они занимались этим всю дорогу после Флоренции, когда синеглазая московитка заняла место Клариче Орсини в карете Зои.

Первые три дня плавания были хоть и не очень легкими и приятными (легат Бонумбре лежал в своей каморке и тихо стонал, его выворачивало наизнанку из-за качки, впрочем, не одного его, мучились многие), но потом началось нечто страшное.

В тот день светило солнышко и казалось, мрачные серые тучи больше не вернутся. Но, увидев на горизонте крошечную тучку, команда корабля засуетилась, привязывая, перевязывая и закрепляя все, что могло сдвинуться с места. Пассажирам просто приказали спуститься вниз, а крышки выходов плотно закрыли. На вопрос, что случилось, коротко отвечали:

– Буря идет.

Сидевшие в своих каморках пассажиры не видели, как почти мгновенно крошечная симпатичная тучка превратилась в скопище черных грозовых облаков.

Казалось, море вдруг поднялось против них, рев ветра и волн, грохот обрушивавшихся на палубу потоков воды, черное посреди дня небо. Было неясно, день сейчас или ночь, где север, где юг, откуда они плывут и куда их сносит.

Сколько это продолжалось? Сказали, что третий день, но измученным ужасом пассажирам казалось, что прошла вечность. Еще немного, и корабль не выдержит, тогда им всем один путь – в морскую пучину. Моряки утверждали, что никогда не попадали в столь сильный шторм. Но разве это приносило облегчение?

– Какой сегодня день?

Сил не было уже ни на что, Зоя поинтересовалась просто так, чтобы знать, в какой именно день они погибнут.

В том, что до завтра не доживут, не сомневался никто. Восьмой день путешествия должен стать последним. Но люди были настолько измучены, что радовались гибели как избавлению.

– Сегодня Вера, Надежда, Любовь и мать их София, – откликнулась Настена.

Зоя замерла. София... мать замученных девочек, сама умершая на их могиле... Вспомнились ясные, добрые глаза старца, благословившего ее маленькой иконой. Старец сказал, что София защищает семью, детей, что ее имя почти

совпадает с именем самой Зои.

Глаза этого старого, умудренного жизнью человека не могли лгать. А она спрятала иконку как можно дальше. Что, если?..

Слуги подивились блажи царевны, требовавшей немедленно достать сундук с книгами. Нашла время! Но приволокли его в помещение, отведенное Зое.

Икона, завернутая в тряпицу, лежала на самом дне. Вынув сверток, Зоя вдруг приказала служанкам выйти, а оставшись одна, осторожно развернула ткань.

Римская церковь не признает святости икон, это в православных храмах они мироточат и внимают мольбам верующих. Зоя держала в руках изображение женщины с тремя девочками и чувствовала, что это не просто картинка, к тому же не слишком умело нарисованная. Все четверо на иконе словно ожили, они смотрели на византийскую царевну в немом ожидании.

Буря швыряла суденышко, словно щепку в водовороте. С морем не поспоришь, оно сильнее любого корабля. Дерево скрипело и даже трещало, казалось, следующий удар волн борта уже не выдержат и тогда...

Повинуясь какому-то непонятному ей самой желанию, Зоя устроила иконку на своей постели и встала перед ней на колени. Это не распятие, не образ Девы Марии, а икона, но Зоя молилась. София и ее дочери общехристианские святые, однако в страшную бурю на краю гибели униатка Зоя моли-

лась им как православным святым перед православной иконой. Она не знала, какими словами следует просить помощи у Софии, кажется, вообще не произносила слов, не речами молила – сердцем.

Как долго это продолжалось, тоже сказать не могла бы, Зоя чувствовала такое единение с изображенными на иконе святыми, что забыла даже о буре снаружи. Из глаз сами собой лились блаженные слезы, они очищали душу, и ужас, творившийся снаружи, был нестрашен.

Закончилась молитва тем, что Зоя размашисто перекрестилась – два перста прикоснулись ко лбу, опустились к поясу, а потом... царица и сама не поняла, почему рука двинулась к правому плечу, как крестятся в греческой вере.

Зоя была униаткой с рождения, ее отец Фома Палеолог всегда ратовал за подчинение греческой церкви Риму, церкви западной. Чтобы не возмущать греческое население Пелопоннеса, и без того не желавшее жить под властью деспотов, он согласился на унию, позволявшую оставить православным свои обряды, но сам их не соблюдал. Возможно, потому Фома Палеолог так легко перешел в католичество и обязал детей поступить также.

Отца давно не было на свете, воспитывавший Зою, Андреаса и Мануила кардинал Виссарион старательно следил за соблюдением ими всех правил и обрядов католической церкви. И теперь с ней отправили папского легата Бонумбре вовсе не ради теологических споров в Москве, а чтобы привела

к унии мужа и воспитала будущих детей по закону Римской церкви.

Но сейчас Бонумбре лежал на своем ложе, стонал и проклинал день, когда родился на белый свет. Епископ ничем не мог помочь своей гибнущей пастве, разве что погибнуть за компанию. Зою беспомощность устраивала, все время бури легат не мешал и не вел свои до смерти надоевшие беседы-наставления. Во всем, даже в творившемся на море ужасе, можно было найти свои хорошие стороны.

Мысль об этом царевну даже развеселила. Что было бы, узнай епископ, что она молилась православной иконе? Зое показалось, что строгие глаза Софии смотрели теперь ободряюще. Улыбаясь в ответ, Зоя свернулась на постели калачиком и заснула с прижатой к груди иконкой. Она вверила свою судьбу Господу и Софии.

Проснувшись, не сразу поняла, что произошло.

Рева разъяренной стихии не слышно, качало, конечно, но не так, чтоб о перегородки биться. Зоя прислушалась, не веря своим ушам. Неужели спасены?!

В ее каморку заглянула Гликерия:

– Царевна, буря стихла!

Зоя посмотрела на иконку, прошептала:

– Благодарю, София.

Значит, Господу угодно ее замужество, только нельзя икону прятать. Когда-то она слышала правило страшной Орды:

не обижать местных богов, даже чтить их, принося дары. Ордынцы считали, что людей можно запугать, обратить в рабство и увести с собой, можно даже убить, а вот богов, что на этой земле, надо уважать. Хуже нет обидеть местные божества.

Наверное, так не только с богами, он у всех христиан един, и даже не со святыми, а с правилами. Если чтут иконы в ее новом отечестве, значит, и она чтить должна. А как с остальными правилами быть? Неужели и ей придется одеваться подобно москвитам, носить шкуры и мыться в страшной бане?

Зоя тихонько вздохнула. Несомненно, Господь давал ей знак этой бурей, если бы не поняла, все погибли.

Буря на море страшна и удивительна. Гнев Господен вдруг нагрянет, заставит не только перекреститься, но и о жизни своей задуматься, а потом вдруг словно иссякнет. И солнце, которое после грозы светит куда ярче обычного, и жизнь пережившим кажется во стократ радостней. Бывалые моряки головами качали: чудная буря – то, что налетела вдруг, неудивительно, но чтоб вот так сразу закончиться... такого не припомнят. Зоя молчала о своем молении, пока не понимая, о чем можно говорить, а о чем нет.

Как налетела буря, так и ушла неожиданно, но путешественники еще долго приходили в себя, пытались понять, где остальные суда, кто пострадал, а кто и не выжил.

В сохранности оказались все корабли, мачты у них целы, а вот паруса порвало. Берег недалече, встать, чтобы осмотреться, можно, хотя жилья не видно.

Один корабль все же потерялся, на нем плыли провожающие не из важных, скорее попутчики, что решили подзаработать рядом с царевной. Фрязин весело утверждал, что они нарочно отстали и вернулись, решив не испытывать судьбу.

Немного погода разобрались, починили сломанное и были готовы продолжить путь. Всем хотелось поскорей завершить морскую часть путешествия, по суше все же куда надежней...

Иван Фрязин попытался сделать вид, что часть сундуков потеряна, но Беззубцев и Шубин не просто так были к вороватому итальянцу приставлены – государь знал, что тот нечист на руку при любой возможности, – осадили вора, мол, все уже подсчитано и учтено, ничего не пропало.

Зоя беспокоилась за книги, но и те оказались целы. Дьяк Мамырев успокоил царевну:

– Как до Москвы доберемся, так на просушку выложим. – Тут же вздохнул: – Только нескоро это будет...

– Почему, нас так далеко бурей снесло?

– Нет, царевна, снесло совсем немного, вернее, просто задержались. Отдохнем чуть, паруса подлатаем, и снова в путь. Через несколько дней, коли Господь позволит, будем в Колывани.

– Что это – Колывань?

– Град при море. Ревелем по-иному зовется.

Зоя кивнула, это название она помнила, еще в Риме говорили о том, как станут добираться.

– Скоро Москва?

– Москва-то? Нет, царевна, нескоро. Как в Колывань прибудем, передохнем, оттуда к Пскову двинемся. Задержались мы очень, распутица начинается – ни в повозке, ни на санях.

В Колывани пристали на двенадцатый день путешествия совершенно измученными.

После одиннадцати дней непрерывной морской качки на берегу хотелось одного – обхватить землю руками и лежать, убеждаясь, что под ногами твердь, а не вода. Сами ноги дрожали от непрерывного напряжения, дрожали и руки от усталости даже у тех, кто, как царевна, не делал ничего, а что говорить о морях, которые с парусами замучались?

Зоя тоже устала, но пересилила себя, улыбалась, понимая, что предстает перед своими будущими подданными.

Оказалось – нет, Колывань только дань московскому государю платит, а землями сама по себе. Требовалось ехать к Пскову, но было решено остановиться тут хоть на пару дней, чтобы в себя прийти и разобраться с людьми и поклажей.

Колыванский берег встретил их моросью, временами переходящей в мелкий дождь, и пронизывающим ветром. Одежда Зоиной свиты мигом промокла, люди замерзли. Поэтому, обнаружив в крепости лавки с разными товарами, бросились запасаться шубами и даже простыми овчинными ту-

лупами.

– Почему здесь зима так рано наступила? Здесь всегда так? – грея руки у огня, вопрошала Зоя.

Настена удивилась:

– Зима? Нет, царевна, это даже не осень, а так, пасмурно да мокро всего лишь.

Царевна ужаснулась:

– А что же зимой?

Настена поняла, что зря испугала хозяйку, принялась успокаивать:

– На Руси и в Москве осень куда лучше! Там деревья желтые и красные стоят, паутинка по ветру летает, журавли курлычат... И грибов в лесу видимо-невидимо. – Она даже зажмурилась, представляя лесную поляну. – Клюква на болоте...

– Что такое клюква?

– Ягода такая кислая. Ой, царевна, да много чего. Это в здешних местах осень противная, да здесь всегда так – мокро и ветрено. Нет, на Руси тебе понравится.

Зоя рассмеялась тому, как Настена свою родину хвалит. Пока нравиться было нечему, даже если помнить, что Колывань не Русь.

А Настена продолжала соловьем заливаться:

– А снега на Руси какие!.. Пушистые, словно лебяжье покрывало. Укроют землю, лягут белыми шапками на еловые лапы, спрячут лес под собой. Зато на санях ехать борзо мож-

но. Реки встанут, и санный путь будет. А санный самый быстрый и удобный.

Забывшись, она перешла на русский. Зоя не остановила девушку, вслушиваясь в певучий, пока незнакомый ей язык. Настена опомнилась сама, рассмеялась:

– Ой, царевна, прости меня. Я о русской зиме рассказывала, как хорошо, когда снегом все вокруг занесет. Не то что здесь – слякотно круглый год.

Зоя вспомнила, как однажды в Риме выпал снег и пролежал целых полдня. Это было ужасно – на улицах под ногами холодная каша, в домах зуб на зуб не попадет, стоило от огня отойти, все мокрое... Чего же хорошего? Но она не возразила, решив, что Настена просто успокаивает ее.

У папского легата архиепископа Бонумбре от холода сначала покраснел нос, а потом и вовсе потекло. Он лежал под горой одеял и шуб и страдал. Дьяк Мамырев головой качал:

– В баньку бы его, с одного раза все выпарили бы, да здесь немчура все извела, ни одной бани стоящей не нашел.

Зоя поинтересовалась у Настены:

– Что все-таки такое «банья»?

– Баня? Там парятся.

Царевна не поняла, пришлось добавлять на латыни:

– Моются.

– Термы?

– Ну нет. В нашей парной все иначе, да только так, что

после нее словно заново родившейся выйдешь.

Так Зоя и не поняла. Оставалось ждать, когда же они увидят эти термы под странным названием «банья». А пока Настена с сокрушенными вздохами и охами помогала Гликерии мыть царевну в лохани, то и дело риторически вопрошая:

– Да разве ж это мытье?! Ни воды вволю, ни веничка, ни пара!

Наконец, скупив в Колывани все шубы и полушубки и, к изумлению местных, вырядившись в меха, хотя еще и заморозков сильных не было, огромный обоз двинулся в сторону Юрьева. С трудом нашли достаточное количество подвод и лошадей, часть вещей, а с ними и людей даже решено оставить в Колывани и прислать за ними из Пскова.

Зое было тоскливо, настроение не улучшали серое небо, морось и холод. Если здесь так всегда, то она умрет от тоски раньше, чем наступит следующее лето. Бывает ли здесь лето вообще? Настена может говорить что угодно, она на Руси родилась и выросла, лазурного моря и жаркого солнца не видела, ей и эта вот хмурая пора хороша.

Грустили Зоины придворные дамы, большинство, несмотря на меховые шубы, хлюпали носами и дрожали, поджигая страшно мерзнувшие ноги. Ходить в привычной обуви в этой дикой холодной стране невозможно, а москвиты твердят, что зима впереди. Что тогда? Не будешь же полгода сидеть у камина, вытянув ноги к огню? Хорошо, хоть деревьев вокруг много, дрова, наверное, не так дороги, как в Риме.

Чтобы не думать о тяжести предстоящей жизни, Зоя с утра до вечера учила русский язык. Настена оказалась отличной наставницей, а сама царевна – талантливой ученицей. Настена медленно и четко произносила какое-то слово по-русски, потом повторяла по-итальянски. Снова по-русски и по-итальянски. И так пока Зоя не запоминала. Постепенно москowitzка стала произносить целые фразы, царевна училась здороваться, желать добра, прочить то, что нужно... Она уже знала, как обращаться к великому князю, к его матери, к окружающим, знала слова «пить», «кушать», «да», «нет», «хочу», «не хочу»...

Но успехи в изучении языка хоть и принесли некоторое облегчение – Зоя начала кое-что понимать из произносимого москowitzами, – но не могли изменить тягостного настроения. Как она ни скрывала, это стало заметно.

На вопрос Настены, что не так, Зоя отвечала, что слишком холодно, наверное, она никогда не привыкнет к этому.

– В баньке попаришься, всю тоску как рукой снимет! – бодро пообещала Настена, заставив Зою поморщиться. Царевне надоели разговоры о неведомой банье. Сколько можно?!

В Юрьеве, где русских людей побольше, их встретили иначе, чем в Колывани.

– Баньки истопили. Чай, соскучились среди этих латинян без парку-то?

Мамырев едва не расцеловал старшего купцов Пашуту за такое сообщение:

– Ах ты ж мой дорогой! Знал ведь, чем взять. И впрямь от того мытья в лоханях и без пара коростой покрылись, самим тошно.

Оказалось, тутошние расстарались, натопили все бани в городе, что нашлись, каждая готова взять в первый пар людей хоть сейчас, только пойдут ли латиняне мыться?

Ларион Никифорович Беззубцев махнул рукой:

– Мы предложим, а не пойдут, так их дело. Знать, потом в третий пар в лоханях мыться будут.

Настена и Гликерия повели Зою мыться в лучшую баню и в первый пар.

Внутри пахло какими-то травами, было прохладно. Так и заболеть недолго. Зоя огляделась:

– А где чан?

– Внутри, царевна, это лишь место для раздевания, а парок там. – Настена кивнула на массивную дверь и добавила, успокаивая: – Тебе понравится. На Руси все так моются, не бойся и привыкай.

За дверью царил полумрак, было очень жарко и еще сильнее пахло травами. Там их ждала крепкая девка в мокрой, прилипшей к телу рубахе, приветливо улыбнулась, о чем-то спросила Настену. Зоя поняла только слово «пар».

Настена рассмеялась, головой покачала и что-то объяснила, девка кивнула понимающе и... плеснула на раскаленные

камни печи из ковшика. Все помещение с полками окутал пар. Стало жарко дышать, Зоя едва не бросилась наружу, а входившая к ним Гликерия и вовсе шарахнулась обратно. Настена схватила служанку за руку, втащила внутрь, успокаивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.